

ZOOMETAPHORS IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE RELATED TO TOPOS OF DIRT AND GARBAGE

Vepreva Irina Trofimovna^{1*}

Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.
Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia.

Yao Jiaxu²

Graduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia
B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia.

(date of receiving: January, 2023; date of acceptance: February, 2023)

Abstract

The article describes the range of representatives of the animal world, identified on the basis of associative adjacency with topos of dirt and garbage. The habitat, habits or behavior of animals are associated with the world of impure existence. The bestiary demonstrates the dehumanization of the political world by attributing zoomorphic traits to politicians. Zoometaphors are combined within the framework of semantics characterizing the moral aspects of political existence. The analyzed bestiary includes five groups: wild animals (jackals and hyenas), domestic animals (pig), small rodent animals (mice, rats), birds (crow), insects (fly, cockroach, louse, flea, bedbug). It is revealed that the constitutive feature of zoosemantics is the axiological component. Zoomorphic names-characteristics are aimed at discrediting state power, a sharp decline in the image of a politician and have a bright pejorative coloring. Bestial moments of immoral behavior of politicians based on direct associations with dirt (for example, the metaphorical image of a pig) are not always the main ones in the semiotics of the presented zoworld. Thus, in the convergence of the scale of the world of insects and politicians, the insignificance and insignificance of party activity, which devalues political life, is conceptualized.

Keywords: Zoometaphora, Concept DIRT, Concept GARBAGE, «Unclean» Animals, Negative Connotation, Moral Aspects.

---

1. E-mail: irina_vepreva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2230-1985> * Corresponding author

2. E-mail: 1335128011@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6280-8780>

ЗООМЕТАФОРЫ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ, СВЯЗАННЫЕ С ТОПОСАМИ ГРЯЗИ И МУСОРА

Вепрева Ирина Трофимовна^{1*}

Профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Яо Цзясюй²

Аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

(дата получения: январь 2023 г.; дата принятия: февраль 2023 г.)

Аннотация

В статье описан круг представителей животного мира, выделенных на основе ассоциативной смежности с топосами грязи и мусора. Среда обитания, привычки или поведение животных связаны с миром нечистого бытия. Бестиарий демонстрирует расчеловечивание политического мира путем приписывания политикам зооморфных черт. Зоометафоры объединены в рамках семантики, характеризующей морально-нравственные аспекты политического существования. Анализируемый бестиарий включает пять групп: дикие животные (шакалы и гиены), домашние животные (свинья), мелкие животные-грызуны (мыши, крысы), птицы (ворона), насекомые (муха, таракан, вошь, блоха, клоп). Выявлено, что конститутивную особенность зоосемантики составляет аксиологическая составляющая. Зооморфные наименования-характеристики направлены на дискредитацию государственной власти, резкое снижение образа политика и обладают яркой пейоративной окраской. Бестиарные моменты безнравственного поведения политиков на основе прямых ассоциаций с грязью (например, метафорический образ свиньи) не всегда главные в семиотике представленного зоомира. Так, в сближении масштаба мира насекомых и политиков концептуализируется ничтожность и незначительность партийной деятельности, которая обесценивает политическую жизнь.

Ключевые слова: Зоометафора, Концепт ГРЯЗЬ, Концепт МУСОР, «Нечистые» животные, отрицательная коннотация, морально-нравственные аспекты.

---

1. E-mail: irina_vepreva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2230-1985> * Ответственный автор

2. E-mail: 1335128011@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6280-8780>

Введение

Образ животного – одно из традиционных концептуальных полей в российской политической метафоре. В российском политическом дискурсе зоометафоры имеют особую лингвистическую ценность. «Они объективируют реалии и явления, объекты и субъектов политических процессов в понятиях и терминах мира фауны» (Керимов 2013. 58). Зоометафоры приобретают переносное значение на основе описания образа жизни, окружающей среды, внутренних или внешних взаимоотношений видов животных. Внешние характеристики или жизненные привычки животных отличительны и уникальны, поэтому «концептуализация мира политики происходит посредством его представления через хорошо известный и понятный мир животных» (Агафонова 2011. 85).

В наш бестиарий мы включили весь животный мир. К представителям фауны, кроме млекопитающих, мы отнесли также птиц и насекомых. Критерием отбора животных послужила их связь с локусами грязи и мусора. Задача нашей работы – выявить бестиарное выражение безнравственного поведения политиков во всем многообразии оттенков и смыслов.

Дегуманизация политиков происходит за счет сравнения их с животными. В иерархической оппозиции человек – животное «человек позиционирует себя в качестве нормы» (Рябов 2021. 84). Зоомир, связанный с грязью и мусором, воплощает отсутствие «нормальных» человеческих качеств. Исследователи, занимающиеся изучением зоологических метафор, пришли к единому мнению о том, что метафоры животного мира проявляются в негативных оценках политического дискурса: зооморфные «наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» (Скляревская 1993. 91).

Основная часть

Мы разделили зоокластер на пять групп, а именно: дикие животные, домашние животные, мелкие дикие животные – грызуны, птицы и насекомые, имеющие отношение к грязи или мусору на основе ассоциативной когнитивной смежности: среда обитания, привычки или поведение животных могут быть связаны с миром нечистого бытия.

Рассмотрим отдельно каждую группу.

Первая группа – дикие животные. Данный класс заполняют шакалы и гиены – плотоядные животные, называемые падальщиками, поскольку они не охотятся, а питаются добычей, находящейся в стадии разложения. Символическими чертами, приписываемыми этим животным, являются подлость, коварство, трусливость, алчность и жадность, которые в политическом пространстве характеризуют личные и социальные характеристики безнравственного поведения как конкретных политиков, так и крупных политических акторов.

Для шакалов характерна, с одной стороны, злоба и наглость, которая приравнивается к беззаконию, с другой стороны, трусость, жадность и коварство. Среда обитания шакалов – Африка и Азия, поэтому в русском политическом дискурсе ассоциативная плотность характеристик объекта обусловлена часто литературными источниками. Благодаря «Книге джунглей» Р. Киплинга имя героя романа шакала Табаки стало нарицательным. Подлый характер и хитрый лицемерный нрав Табаки составляет симбиоз с главным хищником – тигром Шерханом. Герои Киплинга сегодня вошли в политический дискурс:

Легко предположить, что вместе с США в список недружественных стран попадут и те, кого в Послании Федеральному собранию Владимир Путин охарактеризовал как *«подвывающих Шерхану шакалов Табаки»*.

Сами государства в Послании названы не были. ... несложно догадаться, что речь может идти о некоторых странах Восточной Европы и бывших советских республиках (Независимая газета; 27.04.2021).

Обычно шакал метафорически используется для характеристики внешнеполитической деятельности государств. При этом описание поведения политического шакала-падальщика носит характер сюжетного разворота:

«Страна, как загнанная лошадь, брошена. И на нее спущена *стая шакалов*, и своих, и забугорных. Ах, с каким вожделием, с какой *жадностью и цинизмом* кинулись они терзать еще живое тело! Ужасно видеть искаженные злобой и жадностью лица! Цинизм политиков передается народу, в людях исчезает всякое подобие совести. Таким букетом гадостей начинается капитализация России...» (И.А. Васильев) (Советская Россия; 17.07.2014).

В образе политических шакалов может скрываться и хитрая внутриполитическая подковерная борьба в личных интересах:

Сегодня мы имеем три реально существующие, действующие партии со своей позицией, тогда как *все остальные – шакалы политического поля, готовые перебежать и подъесть, где что получится, получить голоса любым способом*. Взять, к примеру, переход Митрофанова из ЛДПР в «Справедливую Россию» (Независимая Газета; 06.09.2007).

Гиены встраиваются в один ряд с образом шакала, поскольку их образ жизни и повадки во многом перекликаются с шакальими:

Игра оппозиции с Саакашвили (и наоборот) напоминает *попытку гиен сожрать раненого льва*. Стая пытается взять зверя измором, но

самые нахальные, нетерпеливые «охотники» переходят условную черту, и лев истерично рвет их на куски. Вчера «раненый» Саакашвили расправлялся с «армейским филиалом» оппозиции, по своему обыкновению, шумно, с применением танков, авиации и антироссийских фантазий (Комсомольская правда; 06.05.2009).

Очень часто шакалы и гиены употребляются рядом в одном перечислительном ряду:

Это и некоторые *политики*, вроде патологического критика Явлинского, всезнающей Хакамады, поучающей, как нам надо жить, и некоторых других. А в это время *стая хищников, гиен и шакалов* окончательно разворовывала страну – то, что не успели или не смогли, где-то поперхнувшись, сделать за годы первого правления. А сейчас, влезая *с нечистыми руками* в энергетику, в железные дороги, авиапромышленность, добивают последнее (Советская Россия; 30.12.2000).

Вторая группа – домашние животные (свинья).

Мифическая нечистоплотность *свиньи* является стереотипной характеристикой животного в коллективном сознании, ограничивающего «возможности свиньи земной, грязной сферой» (Шестопал, Новикова-Грунд 1996. 12). В социополитических контекстах свинья метафорически обличает современное общественное бытие. Свинья как эталон низменных инстинктов и нечистоплотности, бытовой и моральной, относится к типу архетипических концептов. Наряду с лексемой *свинья* употребляются лексические единицы, указывающие на самцов домашнего животного, – *боров* и *хряк*, например:

Наши демократы вываливают на всеобщее обозрение, не смущаясь тем, как в такой ситуации выглядят они сами и их господин. А

впечатление такое, что Чубайс, как *жирный боров*, ворочается в вонючей грязи кремлевских политических интриг и *хрюкает* от удовольствия (Липецкие известия; 16.02.2000).

При развороте свиной темы в данном политическом контексте мотив грязи является основополагающим, сопряженным с утратой нравственных ориентиров, где духовное родство с боровом демонстрирует скотское нутро и человеческую несостоятельность политика, который сравнивается с перекормленным домашним животным и не требует дальнейшей детализации.

Одним из способов выражения негативной оценки безнравственного поведения является предикативная функция зоонима, при которой «происходит совмещение ролевого субъекта и объекта оценки, выраженной зоонимом» (Красильникова 2021. 14), например:

Три бабки шумно ругают Порошенко. – *Он же свинья*. Добрался до кормушки, нажрался и улегся (Комсомольская правда; 11.11.2017).

Слово *свинья* в синтаксически обусловленном (в позиции предикативного центра), квалификативно-оценочном значении часто используется как оскорбление, поскольку высказывание, включающее имя существительное с ярким оценочным значением в роли сказуемого, подчёркивает категоричность выражаемой оценки, например:

Лукашенко регулярно начал осыпать своих конкурентов самыми разными изысканными «комплиментами», *называя их*, например, «пузатыми буржуями», «жуликами» или «*хряками*» (Эксперт; 29.06.2020).

Стереотипное пренебрежительно-оскорбительное прозвище русского народа *русские свиньи* приписывает нации бытовую нечистоплотность и некультурное поведение, например:

Бывший посол Азербайджана в Белоруссии, Молдове и Пакистане Исфандияр Вагабзаде в перепалке с Жириновским заявил, что *русские* — *свиньи*. Вагабзаде заявил, что проливал кровь в Афганистане, исполняя советский «оккупационный долг», работал на русских в Иране, а *вся русская нация* — *воняет как свиньи*, во всем мире не продохнуть (МК; 12.08.2021).

Данное прозвище обычно используется при внешней идентификации русского народа, см., например, анекдот про Штирлица:

Полковник Максим Максимович Исаев-Штирлиц зашел в родной московский туалет. Его взору предстали грязные унитазы, измаленные стены и дымящиеся окурки. – И дым отечества мне сладок и приятен! – патетично воскликнул Исаев. – *Свиньи. Русские свиньи*, – прошипел Штирлиц.

Собранный материал позволил выявить примеры внутренней негативной самоидентификации, под которой понимается «самоутверждение от противного, ...выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего ...антипода» (Гудков 2004. 271), например:

Николай Павлович, дорогой наш член Союза писателей России, а ведь *вы* – *свинья*. – Позвольте!.. – Не горячитесь. И *я свинья*. И *весь наш российский*, прежде всего *русский, народ* – тоже *свиньи*. Да, да, *все мы*, отцы, матери, дедушки, бабушки, – *свиньи*, за кого нас и принимает просионистская орда хозяев Останкинской башни, если позволяем так изгаляться над моралью, втягивать своих детей – внуков – правнуков в самый оголтелый разврат ума и чувств! Если на наших глазах, а значит, и при нашем соучастии идет *процесс освинячивания* молодежи,

подростков, детей. И не переставая летят с телеэкрана *ошметки грязи* идеологизированного накала, сжигающего в душах все благородные устремления, что наработало человечество. Но – раз «*свиньи* терпят» – а вот им еще и еще! (Патриот; 15.02.2006).

Автор объединяет окружающих его соотечественников на основе негативной солидарности, в основе которой лежат бездействие и равнодушие русских, иногда определяемые как терпение, черту, входящую в ментальную характеристику русской нации.

Внешний облик свиньи (голова и глаза) также метафоризируется. В языке фиксируются в качестве ругательств фразеологические единицы *свинья морда*, *свинья харя*, *свиное рыло* в переносном значении уродливого, безобразного лица человека, метонимически характеризующего в целом его отрицательный морально-нравственный облик, например:

Жаль, что между ними вклинилось *мафиозно-чиновниче свиное рыло* (Новая газета; 13.11.2009);

А хорошие люди сторонятся политики, *не желая испачкаться*. По сути, *власть* – это *свиное рыло*, а *государственный аппарат* – *стойло* (Красное знамя (Краснознаменск); 20.08.2005).

Третья группа бестиария – мелкие животные-грызуны (мыши и крысы).

В славянской мифологии «мыши и крысы – нечистые животные, относимые в народном сознании к гадам» (Гура 1997. 403), «наделены дьявольскими свойствами» (Там же. 404).

Мышь из-за своего размера и невзрачного серого цвета считается мелким и слабым животным, поэтому в политическом дискурсе она часто выступает в метафорическом образе политического деятеля или партии, не

имеющих необходимого веса и авторитета среди политических партнеров и электората. Небольшие размеры зверька служит базой для нравственных характеристик, подчеркивающих ничтожность и слабость политического актора, например:

Единой России просто некому противостоять, – сказал Александр Никитин, – остальные в списках партий – просто *политические мыши!* (Московский комсомолец в Саратове; 05.12.2007);

Вам не смешно, что карликовая оппозиция наплодила столько кандидатов? Этак, образно выражаясь, можно и до *мышей* дойти. – Можно, да. Эта ситуация показывает *размер и силу оппозиции*. Они – лилипуты (Московский комсомолец; 06.06.2007).

Крыса в русской культуре связана с разными образами. Так, крыса соотносится с образом мелкого и ничтожного человека, представленного в качестве чиновника-бюрократа невысокого ранга: *канцелярская / чернильная / архивная крыса*. Чаще крыса воспринимается как символ разрушающего и злобного начала, и в политическом дискурсе крысами оскорбительно называют корыстных и коррумпированных политиков, например:

Когда демагоги чубайсовско-гайдаровского пошиба объявили Лигачева «динозавром коммунизма», он напомнил, что после эпохи динозавров наступает *эпоха крыс*. Слова Лигачева оказались пророческими. Восторжествовавшие вскоре *крысы разрушили и растащили* то, что долгие годы героически создавалось руками трудового народа под руководством Коммунистической партии (Советская Россия; 11.05.2021).

Крыса как неуловимое, злобное животное, которое портит и уничтожает все вокруг, вызывает отвращение. Образ крысы, перенесенный на мир

политиков, становится одним из способов категоризации с отрицательным коннотативным потенциалом всего политического бомонда, например:

Ненавижу современных *политических крыс* и блюдолизов
(Вечерний Томск; 09.11.2011).

Ущерб, причиняемый крысами, становится яркой приметой «крысиной» характеристики политического мира: тема воровства, мотив кражи – еще одна черта нравственного падения человека из политической среды, например:

В конце 2015-го область госзакупок непривычно обнажилась. Тендеры перешли в электронный формат. Реформа *закрыла от крыс сразу две бюджетные дыры*: теперь *ни украсть, ни замутить* не выгодную для государства сделку – круг поставщиков расширился, гражданское общество и предприниматели могут контролировать процесс (Новая газета; 05.02.2016).

Четвертая группа bestiария – птицы (ворона).

Семиотика ворона / вороны широко представлена в русской культуре, см.: (Сумцов 1890; Гура 1997. 530–542). Смешение ворона и черной вороны «(вероятно, как самца и самки) — факт общеславянского языкового сознания» (Алексеев 2019. 377). Когда некоторые славянские группы перестали встречать черную ворону, они «перенесли известное название на серую ворону, похожую по образу жизни и поведения» (Там же). Это хищная птица, которая питается падалью и чует ее на расстоянии.

Ворон / ворона считается хищной птицей, наделенной определенной мифологической семантикой. Это вещая птица, вестник зла, способная предсказывать будущее, связана со смертью и нечистой силой. Выделение отрицательных признаков ‘нечистота, зло, смерть’ становится основой для метафорического переноса образа птицы на область политики.

Анализ материала показывает, что представители политического мира чаще представлены в форме собирательного существительного среднего рода с суффиксом *-j- воронье*. Метафорическое *воронье* характеризует политиков как объединение людей на основе общих негативных качеств – алчности, корыстолюбия, жадности. Слова со значением ‘группа лиц’, образованные по данной словообразовательной модели, носят уничижительную окраску:

И когда в полыхающий Хову-Аксы (Тува) вошел ОМОН и *вороньем стетелись политики* – пришел конец всему. Большинство русских продали свои квартиры жаждущим тувинцам за копейки, завод без русских встал (Комсомольская правда; 17.08.2010).

Контексты конкретизируют объединения политиков-хищников, жаждущих что-либо присвоить и захватить. Это могут быть:

В России правит бал *олигархическое и чиновничье воронье*, полностью зависящее от зарубежных партнёров (Парламентская газета; 18.12.2009);

Стараниями *березовских, Чубайсов, Гайдаров, кириенок, Немцовых, Черномырдиных, Степашиных* – всего *воронья*, обсевшего Россию (Советская Россия; 20.01.2000).

Ворон / ворона – птица со зловецким криком, который «производит неприятное впечатление по сочетанию острых режущих звуков *кр*. Воронье гремяне (полет с криком) с древнейших времен в России считается недобрый знаком» (Сумцов 1890. 4–5), который пророчит несчастья:

Оппозиционеры направо и налево *каркают о развале России, о крахе федерализма, изоляции страны* (Белгородские известия; 30.11.2004).

Таким образом, ворона выступает как олицетворение разных пороков, для характеристики безнравственного поведения политиков берутся отдельные черты птицы, имеющие семиотическую нагруженность.

Пятая группа – насекомые

Насекомые – очень важный образ не только в политической метафорике. Обращение к этому классу живого мира имеет большие культурные традиции.

Образы насекомых вписаны в контекст русской литературы XIX века: Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой в своих произведениях обращались к инсектной метафорике. Инсектный сюжет наполняет и творчество XX века. Достаточно вспомнить пауков в поэзии символистов (Блок, Белый, Брюсов), стрекоз Кузмина, мух Хлебникова и обэриутов (Олейников), бабочек Набокова, пчел Мандельштама, клопа Маяковского, тараканов Булгакова и Муху-Цокотуху Чуковского.

Образы насекомых носят амбивалентный характер. С одной стороны, они обладают негативной семантикой: к ним относятся насекомые, отмеченные человеческой телесностью или бытом, «связью с повелителями низа» (Топоров 2008. 712) (*клоп, вошь, таракан, муха*), они ассоциируются с болезнью, мусором, ничтожным существованием, войной, Апокалипсисом; с другой стороны, обладают позитивной семантикой (чаще всего она связана с образами *пчелы, муравья и божьей коровки*). При этом *муха, комар, клоп и блоха* доминируют над *пчелой, муравьем и бабочкой*. Исследовательский интерес для нас представляют насекомые, которых относят к классу нечистых.

В политическом дискурсе возможна реализация негативно-метафорического значения в обобщенном образе *политические насекомые*. В образе насекомых – «достоинные презрения люди» (Вайс 2008. 20), например:

Период оттаивания от тоталитарной заморозки и торжества
политического пережня и политических насекомых, когда в политике

процветали неряшливая профанация и наглая ложь а ля *Чубайс – Гайдар – Кириенко* или российский маккартизм в духе *Березовских – Боровых – Новодворских*, закончился явным отвращением народа к этим сценариям из разряда третьесортной продукции западных спецслужб (Советская Россия; 13.07.1999).

Обратимся к материалу и покажем, какие конкретные «нечистые» насекомые представлены в политическом дискурсе.

Одним из часто встречаемых образов является *муха*, которая «ассоциируется с нечистоplotным в отношениях и вкусах обществе» (Ватутина 2014. 220). В.Н. Топоров отмечает главные характеристики, определившие символическое значение образа мухи: малые размеры, назойливость, нечистота насекомого. Муха – носитель зла и греха в христианской традиции (Топоров 2008. 699–700).

Признак 'нечистоты, порчи', основан «на способности мух пачкать своими испражнениями различные предметы, фиксируется в выражениях *мухи засидели* (что-л.), *засиженный мухами*, обозначающих нечто 'грязное, испачканное, практически не пригодное к использованию» (Вознесенская 2021. 837), см., например:

В телевизионных отчетах с учредительного съезда показывались исключительно *слетевшиеся на сладкое оппозиционное блюдо политические мухи*: Ампиров, Зюганов, Жириновский, Макашов и прочие (Московские новости; 23.09.1997).

Контексты актуализируют признаки 'назойливость' и 'надоедливость', получившие «отрицательную» репутацию в русской культуре:

Подберезкин же исключен из думской фракции КПРФ, а его присоединение к «Отечеству» квалифицировано «как эффект

политической мухи», которая назойливо жужжит, раздувая свою значимость (Гамбовская жизнь; 25.08.1999);

Таким образом, ассоциации с грязью далеко не единственные в семиотике «политической» мухи, метафорический образ создает целый спектр аналогий.

Следующий обитатель политического инсектария – *таракан*, образ которого связан с совокупностью отрицательных оценок, обусловленных связью насекомого с бытовой грязью, мусором, пищевыми отходами, которые сосредоточены в местах скопления мусора, например:

Политические тараканы с жуткими аббревиатурами типа МРП-ПДП, РКП-КПСС, ВКП(б), РПДП(б), ДРП(м), КПТП и КРДМС гордо объявляли себя истинными пролетариями, клеймили прочих мелкобуржуазными уклонистами, а потом тихо *отправлялись на политическую помойку* (Наша Версия на Неве (16.03.2009).

Живучесть и вездесущность, плодовитость и изворотливость таракана – эти признаки активно метафоризируются в политической сфере, используются при оценке многочисленности чиновников при неэффективности их работы, например:

Шла подготовка кандидата в преемники Ельцина Черномырдина на президентский пост, но *чиновничья тьма тараканья*, олигархи перегрызлись за власть и съели Черномырдина (Астраханская правда; 30.08.2006).

Образ *вшей* и *клопов* напрямую связан с телесной нечистотой. Эти насекомые паразитируют на теле человека, высасывая кровь и распространяя болезни, например:

Демократические фракции – это кусок мыла. Без них *тело парламента покрывается грязью, вшами и клопами, дурно воняет* (АиФ; 13.12.2006).

Блоха – следующее насекомое-паразит в политическом инсектари. Метафорические употребления слова *блоха* основаны на актуализации признака ‘малый размер’. По отношению к образу политика и его деятельности актуальная сема переходит в класс коннотативных признаков ‘ничтожность’ и ‘незначительность’, например:

А Россия стоит на месте. *Политика утрачивает масштаб*. У нас даже не политический базар, а *политический блошиный рынок*. Не знаю, беспокоят ли *расплодившиеся на всех уровнях власти политические блохи* Владимира Владимировича? Судя по последним мерам в кадровой политике – стали беспокоить. Беспокоят они и россиян (АиФ; 28.08.2013);

«Блохами также называют всяческое зло» (Терновская 1995. 197), поэтому проявления безнравственного поведения политика реализуются в метафорических сочетаниях *блоха корысти, шкурничества, злобы* и др.

Заключение

Итак, нами описан круг представителей животного мира, семантически связанных с концептами грязи и мусора. Зоометафоры объединены в рамках одного ряда значений, относящихся к характеристике морально-нравственных аспектов политического бытия. Конститутивную особенность зоосемантики составляет аксиологическая составляющая. Оценочные ниши со знаком «минус» заняли животные, дискредитирующие сущность государственной власти. Бестиарные моменты безнравственного поведения политиков на основе прямых ассоциаций с грязью (например, метафорический образ свиньи) не

всегда главные в семиотике представленного зоомира. Так, в сближении масштаба мира насекомых и политиков концептуализируется ничтожность и незначительность партийной деятельности, которая обесценивает политическую жизнь. Метафоризация основана на широком спектре объективных аналогий действий и характеристик политических акторов и повадок и поведения животных. Метафорическая интерпретация обычно опирается на представления, сложившиеся в русской культуре. Кластер демонстрирует расчеловечивание политического мира, лишения его человеческих качеств путем приписывания политикам зооморфных черт. Бестиарное метафорическое уподобление напоминает мозаичную картину, в которую каждый из представителей животного мира вносит свою лепту, тем самым создавая комплексный портрет современного политика, очерчивающий многомерность его морально-нравственного падения.

Литература

- 1- Агафонова О. И. (2011). *Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе* // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. № 6(101). С. 82–88.
- 2- Алексеев А. В. (2019). *Соотношение номинации и коннотации в синхронии и диахронии (на материале названий врановых)* // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: коллективная монография / Отв. ред. Смирнова. Москва: Книгодел. С. 376–381.
- 3- Вайс Д. (2008). *Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде* // Политическая лингвистика. №1(24). С. 16–22.
- 4- Ватутина А. С. (2014). *Постмодернистский образ насекомого как квинтэссенция высокого и низкого: Д. Пригов, В. Пелевин, Л. Петрушевская* // Вестник Нижегородского университета. №2(3). С. 219–223.
- 5- Вознесенская М. М. (2014). *Муха под микроскопом русской литературы (Достоевский vs. Толстой, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Гончаров)* // Коммуникативные исследования. Т. 8. №4. С. 825–850.
- 6- Гудков Л. К. (2004). *К проблеме негативной идентификации* // Негативная идентичность. Статьи 1997– 2002 годов. Москва: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», С. 262–299.

- 7- Гура А. В. (1997). *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик, 910 с.
- 8- Керимов Р. Д. (2013). *Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект)* // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. № 2(22). С. 58–67.
- 9- Красильникова П. Ю. (2021). *Синтаксические закономерности реализации коннотаций зоонимов в поэтическом языке Саши Чёрного* // Вестник Моск. гос. област. ун-та. Серия: Русская филология. № 4. С. 13–22.
- 10- Рябов О. В. (2021). *Бестиарий мировой политики: когнитивные, политические и социальные функции использования животных метафор* // Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация): Мат-лы науч. конф., Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2021 года / Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. С. 82–86.
- 11- Скляревская Г. Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Наука, 150 с.
- 12- Сумцов Н. Ф. (1890). *Ворон в народной словесности* (из «Этнографического обозрения», 1890, кн.1). Москва: Типография Е. Г. Потапова, 26 с.
- 13- Терновская О. А. (1995). *Блоха* // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т.1. Москва: Международные отношения, С. 196–197.
- 14- Топоров В. Н. (2008). *Муха* // Мифы народов мира. Энциклопедия: Москва: Советская энциклопедия, С.699–700.
- 15- Шестопап Е. Б., Новикова-Грунд М. В. (1996). *Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ)* // Полис. Политические исследования. № 5. С. 168–191.

Bibliography

- 1- Agafonova O. I. (2011). *Upotreblenie metafor s zoomorfnyim komponentom v anglojazychnom politicheskom diskurse* // Nauchnye vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Serija: Gumanitarnye nauki. № 6(101). S. 82–88.
- 2- Alekseev A. V. (2019). *Sootnoshenie nominacii i konnotacii v sinhronii i diahronii (na materiale nazvanij vranovyh)* // Ptica kak obraz, simbol, koncept v literature, kul'ture i jazyke: kollektivnaja monografija / Otv. red. Smirnova. Moskva: Knigodel. S. 376–381.
- 3- Vajs D. (2008). *Parazity, padal', musor. Obraz vruga v sovetskoj propagande* // Politicheskaja lingvistika. №1(24). S. 16–22.

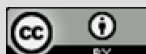
- 4- Vatutina A. S. (2014). *Postmodernistskij obraz nasekomogo kak kvintjessencija vysokogo i nizkogo: D. Prigov, V. Pelevin, L. Petrushevskaja* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. №2(3). S. 219–223.
- 5- Voznesenskaja M. M. (2014). *Muha pod mikroskopom russskoj literatury (Dostoevskij vs. Tolstoj, Saltykov-Shhedrin, Turgenjev, Goncharov)* // Kommunikativnye issledovanija. T. 8. №4. S. 825–850.
- 6- Gudkov L. K. (2004). *K probleme negativnoj identifikacii* // Negativnaja identichnost'. Stat'i 1997– 2002 godov. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM-A», S. 262–299.
- 7- Gura A. V. (1997). *Simvolika zivotnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii*. Moskva: Indrik, 910 s.
- 8- Kerimov R. D. (2013). *Zoometafori v jazyke nemeckoj politiki (lingvokognitivnyj aspekt)* // Vestnik Perm. un-ta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija. № 2(22). S. 58–67.
- 9- Krasil'nikova P. Ju. (2021). *Sintaksicheskie zakonomernosti realizacii konnotacij zoonimov v pojeticheskom jazyke Sashi Chjornogo* // Vestnik Mosk. gos. oblast. un-ta. Serija: Russkaja filologija. № 4. S. 13–22.
- 10- Rjabov O. V. (2021). *Bestiarij mirovoj politiki: kognitivnye, politicheskie i social'nye funkcii ispol'zovanija zivotnyh metafor* // Simvolicheskoe izmerenie voennyh i politicheskikh konfliktov (zarozhdenie, protekanie, dejeskalacija): Mat-ly nauch. konf., Sankt-Peterburg, 14–15 dekabnja 2021 goda / Sankt-Peterburg: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. A. I. Gercena, 2021. S. 82–86.
- 11- Skljarevskaja G. N. (1993). *Metafora v sisteme jazyka*. Sankt-Peterburg: Nauka, 150 s.
- 12- Sumcov N. F. (1890). *Voron v narodnoj slovesnosti* (iz «Jetonograficheskogo obozrenija», 1890, kn.1). Moskva: Tipografija E. G. Potapova, 26 s.
- 13- Ternovskaja O. A. (1995). *Bloha* // Slavjanskie drevnosti. Jetonolingvističeskij slovar' / pod red. N. I. Tolstogo. T.1. Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija, S. 196–197.
- 14- Toporov V. N. (2008). *Muha* // Mify narodov mira. Jenciklopedija: Moskva: Sovetskaja jenciklopedija, S.699–700.
- 15- Shestopal E. B., Novikova-Grund M. V. (1996). *Vosprijatie obrazov dvenadcati vedushhijh rossijskijh politikov (psihologičeskij i lingvističeskij analiz* // Polis. Politicheskie issledovanija. № 5. S. 168–191.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Vepreva Irina Trofimovna / Yao Jiaxu (2023). ZOOMETAPHORS IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE RELATED TO TOPOS OF DIRT AND GARBAGE. *Issledovatel'skij Zhurnal Russkogo Jazyka I Literatury*, 11(1), 31-50.

DOI: 10.52547/iarll.21.2

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/285>

استعاره‌های حیوانی در گفتمان سیاسی با برداشت فرهنگی کثیفی و زباله

ایرینا ترافیمونا ویپروا^{*۱}

استاد، دانشگاه فدرال یلتسین یکتاترینبورگ،
یکتاترینبورگ، روسیه.

جی آکسی یا او^۲

دانشجوی دکترا، دانشگاه فدرال یلتسین یکتاترینبورگ،
یکتاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله مجموعه نمایندگان جهان حیوانات که بر اساس تشابه برداشتی با مفاهیم کثیفی و زباله ساخته شده‌اند، توصیف شده است. محیط زندگی، عادت‌ها یا رفتار حیوانات با زندگی در جهان ناپاکیزه همراه هستند. مجموعه مورد بررسی نشان‌دهنده رویکرد غیرانسانی کردن جهان سیاست از طریق ارتباط دادن سیاستمداران با ویژگی‌های حیوانی اتفاق می‌افتد. استعاره‌های حیوانی در چارچوب معناشناسی که توصیف‌کننده جنبه‌های رفتاری-اخلاقی شخصیت‌های جهان سیاست است، گروه‌بندی شده‌اند. مجموعه جانوری مورد بررسی پنج گروه را در برمی‌گیرد: حیوانات وحشی (شغال و کفتار)، حیوانات خانگی (خوک)، حیوانات جونده (موش و موش صحرائی)، پرندگان (کلاغ)، حشرات (مگس، سوسک، شپش، کک، ساس). نشان داده شده است که ویژگی اساسی معناشناسی جانوری را مؤلفه ارزش‌شناختی آن تعیین می‌کند. اسامی و ویژگی‌های جانوری در جهت بی‌اعتبار کردن دولت‌ها و تخریب وجهه سیاست طرح‌ریزی شده‌اند و به وضوح دارای رنگ و لعاب تحقیرکنندگی هستند. لحظات رفتار غیرانسانی سیاستمداران همیشه بر اساس ارتباط مستقیم با کثیفی (برای نمونه، برداشت نوعی از خوک) همیشه هم موضوع اصلی معناشناسی جهان حیوانی مورد بررسی نیستند؛ بنابراین، در نزدیک‌سازی ابعاد جهان حیوانات و سیاستمداران، تخریب و تحقیر فعالیت حزبی که زندگی سیاسی را بی‌ارزش می‌کند، مفهوم‌سازی می‌شود.

واژگان کلیدی: استعاره حیوانی، مفهوم کثیفی، مفهوم زباله، حیوانات «ناپاک»، معنای ضمنی منفی، جنبه‌های اخلاقی-روانی.

1. E-mail: irina_vepreva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2230-1985>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

2. E-mail: 1335128011@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6280-8780>